

ВНЕШНИЙ ОБЛИК ПРАВОСЛАВНОГО В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ОДИН ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КЕЙС)

С.В. Рязанова

Аннотация. Настоящее исследование посвящено представлениям о внешнем виде верующих как одного из способов формирования религиозного самосознания. В понятие внешнего вида включаются одежда и атрибуты, связанные с изменением облика человека. В качестве отправного положения выступает утверждение об отсутствии точных канонических указаний по поводу особенностей внешности верующих, что вызывает процесс индивидуального нормотворчества в религиозном сообществе.

В ходе создания набора норм внешнего вида для православного мирянина включаются как механизм рационального дискурса, так и логика мифогенеза. Содержательная специфика представлений об образе верующего определяется также региональными традициями, возрастным и образовательным цензом, особенностями жизненного пути индивида. В качестве кейса для определения тенденций конструирования идеального облика верующего выбрано православное сообщество Прикамья. В качестве респондентов были выбраны верующие, сигнализирующие о своей религиозности путём участия в коллективной религиозной деятельности. Поставленные вопросы касались требований к внешнему виду прихожанина, использованию декоративных средств, без указания на то, в каких сферах общественной жизни должен быть реализован дресс-код.

Исследование показало наличие трёх групп верующих в зависимости от их отношения к вопросам внешнего вида. Консервативные прихожане настаивают на соблюдении совокупности норм, обоснованных собственным жизненным опытом, традицией или популярными мифоконструктами. Либерально настроенная группа склонна разделять сферы религиозного и светского, рационально обосновывая принимаемые ими нормы и смещая требования к внешнему виду только в ситуации, связанной с коллективной религиозной деятельностью. Сторонники полной свободы выбора внешнего облика не связывают одежду и косметику со своей религиозностью, связывая её только с духовным совершенствованием. Для всех групп внешний вид становится не только поведенческой нормой, но и маркёром сопричастности к сообществу, индикатором выделения единоверцев, воспоминанием о традиции, религиозным языком для тех, кто не владеет языком канонов и догм.

Ключевые слова. Православие, сообщество верующих, религиозные нормы, внешний вид, мифотворчество, индивидуальная религиозность.

Упомянутое о православном верующем способно вызвать в сознании определённый образ, отличающийся, прежде всего, элементами внешнего вида, служащими своеобразными маркерами. Благодаря таким стереотипам восприятия и одновременно желанию православного сообщества идти в ногу со временем, возникает даже специальная православная мода [Mithrofanova, 2016], предлагающая сочетание религиозных требований и эстетических установок. Однако представления о том, насколько важен для православного его внешний вид, не являются унифицированными. Целый ряд обстоятельств и характеристик отечественного православия обеспечивают, в общем-то, нежелательный для ортодоксальной церкви плюрализм мнений. Прежде всего, это связано с природой христианского учения, в рамках которого обстоятельства материальной жизни выступают как незначительные и слабо регламентированные.

До настоящего времени проблема внешнего вида верующего как составной части его религиозной самоидентификации не становилась предметом исследовательского внимания в качестве базового или дополнительного фактора идентификации. Методологическими предпосылками для анализа этого сегмента исследовательского поля, по нашему мнению, являются тексты, посвящённые специфике современного религиозного сознания. Религиозное мировоззрение индивида как самостоятельно конструируемое по принципу «лоскутности» и напрямую влияющее на участие верующего в культовой практике трактуется сообразно с концепцией К. Добеллара [Dobbelaere, 2004: 229-253], впрочем, совпадающей с результатами, ранее самостоятельно полученными автором [Рязанова, 1998: 126]. Этот подход дополняется элементами теории рационального выбора веры, обоснованного Р. Кисалой для населения современных городов [Kusala, 2004: 255-274], а также концепцией Т. Асада по поводу сохранения места религии в индивидуальном

сознании вне сохранения её сущности [Asad, 2002: 110-126].

Специфика региональных вариантов религиозных культур разрабатывалась Р.В. Стампом [Stump, 1986: 208-225], чьи идеи помогли выстроить иерархию демографических, социальных и культурных факторов формирования локальных вариантов религии. Понимание процесса секуляризации как выведения религиозного на индивидуальный уровень, сращивания с культурным субстратом с одновременным лишением собственно религиозного содержания сложилось благодаря статье К. Митчелл [Mitchell, 2006: 1135-1152]. Представления о последствиях глобализации общества для религии были верифицированы при помощи работы П. Бейера [Beyer, 2006]. Необходимость восприятия используемых для религиоведческого анализа категорий как динамических, изначально исторически и культурно ограниченных была осознана благодаря М.Л. Сатлоу [Satlow, 2005: 287-298] и Х.Г. Киппенбергу [Kippenberg, 2000: 221-243].

В православной традиции не сложился специальный кодекс, строго определяющий принцип выбора и нормы поведения индивида вне участия в коллективной культовой деятельности. Это касается семейно-брачных отношений, принципов ведения хозяйства, взаимоотношений начальника и подчинённого и ещё многих аспектов сложной социальной жизни. Утверждения, традиционно воспринимающиеся как базовые, являются дериватами отдельных евангельских цитат и упоминаний в трудах отцов церкви, не всегда транслируются в среду верующих в изначальном варианте и активно дополняются за счёт собственных рациональных доводов, мифотворчества и фантазии. По профильным сайтам и православным форумам распространяются одни и те же выдержки из священного писания и примыкающего к нему корпуса текстов, становящиеся основанием для складывания индивидуального отношения к интересующим вопросам.

Представления о том, как следует выглядеть православному христиани-

ну не стали исключением из правил. По преимуществу, они базируются на следующем наборе высказываний, не отличающихся точностью ссылок и указаний на конкретный текст. Первую группу составляют указания на не должные атрибуты облика верующего:

– «На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред Господом ...всякий, делающий сие» (Втор.22, 5);

– «И сказал Господь: за то, что дочери Сиона надменны и ходят, поднося шею и обольщая взорами, и выступают величавою поступью и гремят цепочками на ногах, оголит Господь темя дочерей Сиона и обнажит Господь срамоту их; в тот день отнимет Господь красивые цепочки на ногах и звездочки, и луночки, серьги, и ожерелья, и опахала, увясла и запястья, и пояса, и сосудцы с духами, и привески волшебные, перстни и кольца в носу, верхнюю одежду и нижнюю, и платки, и кошельки, светлые тонкие епанчи и повязки, и покрывала. И будет вместо благовония зловоние, и вместо пояса будет веревка, и вместо завитых волос – плешь, и вместо широкой епанчи – узкое вретище, вместо красоты – клеймо... (Ис.3, 16–25)»;

– «И всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову, ибо *это* то же, как если бы она была обритая. Ибо если жена не хочет покрываться, то пусть и стрижется; а если жене стыдно быть остриженной или обритой, пусть покрывается. Итак, муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия; а жена есть слава мужа» (1-е к Кор.).

– «Никакому мужу не одеваться в женскую одежду, ни жене в одежду, мужу свойственную» (62 правило 6-ого Вселенского Собора);

– «Кожу ты осквернила поддельным натиранием, волосы изменила несвойственным цветом, вид твой искажён ложью, образ извращён, лицо твое чуждо тебе. Ты не можешь видеть Бога, когда глаза у тебя не те, какие дал тебе Бог, но

какие подделал дьявол. Ему ты последовала, ты подражала златоцветным и раскрашенным глазам змия, враг убирал твои волосы – с ним и гореть тебе» (Киприан Карфагенский).

– «Не увидишь на теле ея (христианки) ни безобразного лица, ни окровавленных губ, ни уст, подобных устам медведицы, обагрённых кровью, ни бровей, очерченных сажею, как бы от прикосновения к очагу, ни ланит, подобных стенам гробов повапленных: всё это сажа, прах, пепел и знак крайнего безобразия» (Иоанн Златоуст);

– «Не к принадлежностям жены, но к принадлежностям гетеры относятся бесстыдные хлопоты о различных прикрасах» (Климент Александрийский);

– «Не стройте, женщины, на головах у себя башен из накладных волос, не выставляйте напоказ нежной шеи, не покрывайте Божия лика гнусными красками и вместо лица не носите личины. Женщине неприлично показывать мужчинам открытую голову, хотя бы золото вплетено было в кудри или несвязанные волосы, как у скачущей менады, развевались туда и сюда нескромными ветерками. Ей неприлично носить наверху гребень наподобие шлема или видную издали мужчинам и блестящую башню. Неприлично и то, чтобы сквозь тонкий лен просвечивали твои волосы, вместе покрытые и открытые, и, сияя как золото, где сбежало покрывало, выказывали мастерство твоей трудившейся руки, когда, поставив перед собой слепого наставника – бездушное изображение своего лица, с его помощью писала ты свою красоту» (Григорий Богослов).

Относительно новые тексты оперируют мифологическими аргументами не по степени обоснованности, а в связи с отсутствием деления на внешний и внутренний мир [Рязанова, 2011], делегированием предметам материального мира магических свойств:

– «По церковным канонам женщина не должна носить мужское одевание. По одежде человека видно его духовное состояние» (Архимандрит Гавриил (Ургебадзе));

– «Почему каждая вторая, третья, четвёртая женщина не может родить, молока у них нет? Это потому, что женщины одели на себя мужскую одежду» (Игумен Гурий (Чезлов). «Лучезарный батюшка. Воспоминания о игумене Гурии (Чезлове)», Вологда, 2005г.);

– «И знайте, женщины, носящие брюки, во время грядущей войны будут призваны в армию, и немногие живыми вернутся» (Схимонахиня Нила (Новикова));

– «Откуда эта мода пошла? С Запада, с Франции. Для того чтобы растлить народ, разложить его внутренне. Потому что тогда бери нас голыми руками, и войн никаких не надо. Вместе с одеждой переходят и страсти мужские в душу женщины, она делается грубая и мужеподобная. Это влияет на потомство, дети рождаются больными. Каблуки одеваем, это что? Сходите в Ближние Пещеры, посмотрите на картину Страшного Суда. Там бесы, у них – копыта. Они вам ничего не напоминают?... Кому не хочется, чтобы здоровые детки росли? Кто это все придумывает? Дьявол, всё от него. Это его штучки, чтобы заманить нас в капкан и погубить душу» (Иеромонах Анатолий (Киевский)).

Ко второй группе стоит отнести цитаты-пожелания, которые уже могут быть отправной точкой для самоопределения в вопросах внешности:

– «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (1 Пет.3, 3-4);

– «Ты желаешь украсить лицо свое? Украшай его не жемчугом, но целомудрием и скромностью... Ими ты привлечёшь любовь не людей только, но и ангелов. За них восхвалит тебя сам Бог... Не тело нужно делать белым и блестящим, но украшать душу» (Иоанн Златоуст);

– «В одеянии своём люби бедные одежды, чтоб унижить рождающиеся в тебе помышления, то есть высокоумие сердца» (Исаак Сирин);

– «Умеренность, простота и естественность наблюдаема была в одежде. Одежда, по мнению христиан, имеет только две цели, которым и должна быть сообразна. Именно, содержать тело в надлежащей теплоте, защищая его от вредного влияния воздуха, и прикрывать неприличные части тела... Одежда для блеска и пышности не могла быть допущена и введена в употребление для детей» (Святитель Василий Великий);

– «Не на одежду красивую заглядывайся: она – тлен, а на одеяние нетленное души своей, каково оно: не гнушно ли и нечисто по причине частых грехопадений, тайных и явных. И стяжи одежду души в нетленной красоте кротости, смирения, целомудрия и чистоты, милосердия и правды» (Иоанн Кронштадтский).

Мы не ставим здесь задачу проверить соответствие приводимых цитат оригиналу. В контексте исследования более важным представляется выявление представлений о поведенческой норме, которое создаётся посредством распространяемых высказываний и установление степени его «внедрения» в миропредставление мирянина. Очевидно, что в ранг православных ценностей, связанных с внешним обликом, вводятся естественность, простота, скромность, соответствие одежды гендерным ролям. Очень значимым является однозначная подчинённость «физических» норм этическим. Отсюда отсутствие деталей позитивного характера, касающихся материальной стороны человека, акцент на внутренних качествах. Этим детализация внешнего вида, а также необходимые корректировки в связи с изменяющейся культурной ситуацией, включая профессиональные требования к дресс-коду, делегируются самим верующим.

Наличие информационных лагун в мировосприятии провоцирует нормотворчество на низовом уровне, проходящее внутреннюю и внешнюю легитимацию за счёт использования разных подходов в аргументации. Конструирование норм осуществляется на уровне сообщества мирян, определяясь также

локальными традициями, возрастным и образовательным цензом респондента, особенностями жизненного пути индивида.

В качестве кейса для выстраивания модели конструирования представлений о внешнем виде, связанных с религиозными взглядами, нами было выбрано православное сообщество Пермского края в начале нынешнего столетия. На его примере будет установлена логика самостоятельного оформления мировоззренческой позиции верующего в тех вопросах, которые не имеют первостепенной значимости для церкви как института, воспринимаются как само собой разумеющиеся, комплементарные по отношению к совокупности канонических норм. Основой для анализа стали материалы более ста полуструктурированных интервью, собранных на территории Прикамья в 2014-2017 гг. по принципу «снежного кома». В качестве респондентов были выбраны верующие, помимо самоидентификации себя как православных сигнализирующие о религиозности своим участием в коллективной культовой практике и соблюдением норм индивидуального религиозного поведения (приход к исповеди, соблюдение поста и т.п.).

Поставленные вопросы касались требований к внешнему виду прихожанина, использованию им/ею дополнительных декоративных средств без указания на то, в каких сферах общественной жизни должен быть реализован этот дресс-код. Примечательно, что ни один из респондентов в ответах на вопрос (от предельно лаконичных до очень подробных) не сослался на авторитет Священного писания, либо мнение иерархов РПЦ МП (только в одном случае встретилось расплывчатое упоминание «ветхозаветного законодательства») [Р. С-в]. Не встретилось также ни одной ссылки на указания со стороны приходского духовенства. Все предлагаемые «нормативы» внешнего вида основывались на интуитивном понимании ситуации, рассуждении и обращении к личному опыту.

В рамках пермского сообщества сохранилась группа приверженцев традиционного подхода к одежде:

– «православные должны одеваться особым образом» [Я. Н-на];

– «так заповедовали изначально, религия это как бы пропагандирует. Я считаю, что в принципе по природе это, конечно, правильно, и женщина должна быть в юбке, прежде всего. Должна пропагандироваться какая-то скромность в одежде, это по природе, и не только по церкви правильный подход... По правилам церкви, я полагаю, что это невозможно (пользоваться косметикой – С.Р.). Я думаю, что можно, конечно, следить за собой, какие-то крема. Но именно тени, тушь, какие-то яркие лаки, это, конечно, неприемлемо» [С. И-ва];

– «если по канонам, то пользоваться косметикой не нужно. Дал тебе боженька вот это, то и превозноси. В православии косметика не приветствуется» [Т. Ч-ва];

– «женщина должны быть женщиной, она должна отличаться от мужчины, поэтому для неё Господом Богом придумана вот такая женская одежда» [С. И-на].

Религиозное начало при таком отношении не выделяется в особую сферу жизненного мира, оно присутствует в любой точке социального бытия индивида, в том, до чего вроде бы христианству нет дела. Хочется обратить внимание на слово «пропагандирует» в одной из цитат: тут есть и рудимент советского восприятия религии как института, и представление о её активной роли в социальном пространстве, и невысокий уровень канонической грамотности верующего. Место последней занимает мифологическое противопоставление православных как особой группы остальному миру и столь же мифологический детерминизм, отсутствие выбора. Религиозное мировоззрение расширяет область применения, находит материальное воплощение во внешнем облике и становится императивом. Вульгаризированным вариантом такого подхода может служить фраза, услышанная автором в середине 1990 гг.

от православной верующей средних лет: «Христос мини-юбки носить запретил».

Самой большой является группа прихожан, занимающих умеренную позицию в вопросах внешности:

– «главное в церкви – это соблюдение, всё-таки, правил, то есть платок должен быть, должна быть соответствующая одежда, и за этим должен смотреть, вот, священнослужитель и те люди, которые работают в храме» [С. И-ва];

– «есть в Храме запреты, да... всё-таки от женщины требуется... женская одежда» [Д. А-ва];

– «если человек идёт к Богу, он должен идти с уважением, да, если она там идёт, скажем, в каких-то джинсах, да обтягивающих, возбуждающих там, или в мини-юбке... получается уже неуважение и к Богу, раз ты в церковь идёшь. Ну и к окружающим людям, потому что.. никому не интересно, да, там, в церкви, смотреть... на женскую красоту, телесное. Там другое ценится... Я считаю, лучше всё-таки в приличной одежде хотя бы, лучше и в повседневной жизни, конечно, в приличной одежде ходить, ну в храм уж точно» [Л. А-на];

– «ей (женщине – С.Р.) ведь никто не запрещает. Другое дело – это надо минимизировать, когда приходишь в Дом Божий. В повседневной жизни это дело каждого» [А. И-в];

– «одеваться человек должен должным образом только тогда, когда идёт в храм. Так я считаю. Человек может одеваться, может, так сказать, как хочет. А косметикой, конечно, может пользоваться православная женщина. Ну, это моё личное мнение, даже должна, я бы сказала» [К. П-в];

– «в штанах в церковь не ходят» [Л. А-на].

Налицо в этих высказываниях влияние секуляризированной культуры с жёстким разграничением светского как внешнего и обязательного к исполнению в ряде случаев и религиозного как внутреннего решения и частного дела. Решающим является личное мнение с элементами рационального обоснования. Показательно и делегирование кли-

ру функций надзора за внешним видом прихожан, поскольку в нём содержится указание на невысокий уровень самодисциплины самих верующих: допускается, что кто-то из них способен забыть минимальные требования к внешнему виду или проигнорировать их. Однако за пределами храмового пространства религиозность индивида способна утрачивать внешние проявления, присутствуя на уровне мировосприятия.

Возникают разные модели поведения и соответствующие им имиджи. Одна из интервьюированных прихожанок заявляла, в частности: – «Очень некрасиво видеть, когда красивая девушка ходит в церковь, да как бы нехорошо, конечно, говорить «красивая», потому что, ну, все мы дети божьи, все красивы. Ну, вот, она в юбке, да, и, допустим, очень-очень яркий макияж. Мне кажется, это в церкви очень не приветствуется... ну, вот в церковь никогда я себе не позволю прийти накрашенной, допустим. Или в штанах. Конечно, иногда вот, ну, понимаешь, что у тебя есть там, ну, какое-то время, да, вот после университета заглянуть. Ну, всё-таки думаю, что это неподходящая одежда, и не заходишь» [П. Р-ва].

Есть среди православных и вполне свободомыслящие в вопросах внешнего вида. Они допускают неизбежность изменений, связанных с эволюцией культуры в целом и ищут компромисс между своими представлениями о православном дресс-коде и той реальностью, в которой они живут:

– «Я считаю, что женщины просто не должны одеваться вызывающе, просто обычная одежда, ни коротких юбок, ничего... Особенно в церкви, да. В церкви вообще длинные юбки» [И. Г-ва];

– «Вы юбку не считаете приличной одеждой или что?... Юбка летом более меньшей длины, чем средняя, что в ней неприличного, если она закрывает неприличные места, да? Вам же легче, вы же не будете ходить, не знаю, в мешке картошки, просто потому, чтоб вам ничего не сказали. Другое дело то, что есть у тех же священнослужителей, есть определённый дресс-код, они не имеют права

его нарушать, но зачем я буду загонять всех под эти рамки?! Каждый должен чувствовать себя комфортно [Е. К-ва];

– «К сожалению, в наше время сложно придерживаться таких строгих требований, и я считаю, что они иногда бывает излишни. То есть возможны послабления в этом плане» [А. Б-н].

Верифицирующим фактором правильности одевания становится светская норма, определённая этикой социума: «прежде всего, одежда независима от веры, от так скажем, национальности, должна быть моральных устоев, то есть колготки в сеточку, собственно, оголённый торс у мужчины я не рассматриваю как адекватное действие, независимо, верующие они или нет. Это мораль общества, а не только церкви» [Ю. Я-ко].

Эта группа обычно разделяет одежду для храма и повседневной жизни, для последней оставляя полную или частичную свободу выбора:

– «В церковь, конечно, женщины должны ходить в юбках и мужчины в приличной одежде. И в церкви косметикой пользоваться даже нельзя. Ну, а как? Одеваться нужно элегантно» [Д. М-в];

– «Мне кажется, что одежда значения не имеет. Но если человек идёт в церковь, то он должен надевать косынку, шарф, платок. А мужчина – без головного убора, аккуратно и чисто одетым» [М. З-в];

– «Если говорить при походе в церковь – да... скорее, да, чем нет. Так как ты идёшь в церковь, ты должен, как бы, выглядеть... не одел там, юбку, да, и не накрашилась как... на вечеринку пошла. Соответственно, должно быть: юбка, там, до колен, да, коса, платок и т. д.... А в повседневной жизни, я считаю, ты должен одеваться так, как тебе комфортно. Для того, чтобы ощущать себя комфортно по жизни [М. К-ва];

– «У нас изначально светское государство, и кто как следует принципам какой-то церкви, это его личное дело, и там, типа, все сочтутся на небесах, но мне кажется, что... на территории церкви следуют свои правила, и она должна им следовать, поэтому женщина должна

приходить в юбке, с покрытой головой, с минимумом косметики, ну, мужчины должны, естественно, приходить в приличной одежде» [Е. С-н];

– «Я думаю, что одеваться можно хоть как, я уже повторяю, что Бог должен быть в душе... это в светском обществе, но если вы пришли в церковь, там должно... определённое требование выполняться, то есть женщина должна быть с покрытой головой и в юбке, а мужчина, ну так, как обычно, без головного убора» [А. К-на];

– «Я сама ношу только, допустим, на огород вот такую одежду: штаны или там трико, или ещё что-то, где, вот, без этого ты не можешь обойтись. Или в дороге. Но если ты идёшь в церковь, ты должна прилично одеться. Ты же идёшь к Господу, ты же идёшь в храм, и на тебя там люди будут смотреть. На работу мы же не ходим в спортивных штанах или ещё в чём-то. То есть, женщина обязательно должна быть в юбке. Юбка и платок... А мужчины тем более в шортах или ещё... Даже в жару... я считаю, что это не допускается. Много, конечно, сейчас есть послаблений в одежде. У нас в храме юбки есть. Если женщина пришла в брюках, то, конечно, должна сверху надеть или шарф, или что-то [О. Ш-в];

– «Мама никогда не признавала брюки. Я до сих пор стараюсь, если пошла на кладбище, то одеваю юбку. Я не строгих правил. На одежде не зацикливаюсь, если положено одевать в храме платок, то да» [Т. Ч-ва].

Указание на старших родственников – слабый отголосок мифологической легитимации через обращение к прошлому. Оно уже не императивно, выступает в качестве напоминания, но все равно используется. Ту же функцию выполняет упование на приходское духовенство: «находясь на службе, я обращаю внимание, что даже на исповедь и к причастию женщины уже подходят в брюках. Может батюшка и делает замечание, но исповедь принимает. И к причастию допускает. Но ведь, конечно, соблюдать традиции было бы здорово» [С. К-ва]. Частное решение вопроса заменяет ка-

нон, устраивает обе стороны, сглаживает конфликтную ситуацию: прихожанка считает необходимым посетить церковь, но не затрудняется изменением образа жизни, а священник заинтересован в прихожанах, пусть и нарушающих благолепие церковной службы, поэтому готов идти на уступки.

Стоит обратить внимание, что норма фиксируется при помощи слов «комфортно», «элегантно», «женственно», не имеющих отношения к эстетике церковной жизни. «Эта мода как-то усовершенствуется... и сейчас молодые люди совсем не видят каких-то границ, даже в одежде, вот как они одеваются. Поэтому я думаю... есть же элегантные юбочки, длинные, как раз они и в моде, но почему-то... молодёжь как-то не хочет на это реагировать, это очень красиво... женщины должны носить юбки, потому что они становятся женственными, и мужчины должны всегда быть аккуратными, опрятными и ходить в приличной одежде» [Н. Л-ва].

Используемые эпитеты указывают на антропоцентризм позиции и секулярное отношение к религии. Она присутствует в жизни такого верующего настолько, насколько не причиняет дискомфорт: «Сейчас одеваются по-разному, девушки в основном ходят в брюках, а если надо строго быть в юбках, то надо, чтобы в церквях эти юбки были, чтобы раз, надел, завязал, пошёл» [М. Кол-ва]. Религиозное внешнее как обязывающее делегируется духовенству, особенно черному: «Если это монашка, пусть она не пользуется косметикой, одевает темную одежду, а если она живёт среди людей, как она всё время будет носить длинное платье чёрное, не краситься?» [Н. Е-ва].

Оживление у респондентов либеральных взглядов вызвал вопрос о косметических средствах. Тема дополнительного приукрашивания себя стоит особняком по отношению к внешнему виду в целом. Пользование декоративной косметикой не является жизненно необходимым и наводит на мысль о том, как у верующего сформирована система приоритетов. Тем не менее, и в этом случае побеждает уме-

ренная позиция: «Почему бы и нет, если эта косметика, она вообще косметика, в широком смысле, вообще может рассматриваться как крем, шампунь, гель для душа или тени для век, пудра. Почему бы и нет, если это умеренно и если человек любит выглядеть приятно, это у других не должно вызывать осуждения Я не вижу в этом ничего плохого» [Ю. Я-ко].

Или следующим образом: «Это дело каждого, мне кажется... Женщины могут пользоваться косметикой, если, конечно, они не монахини, например. Тогда да, это уже странно» [Ю. Я-ко1]. Можно думать и так: «правильная косметика, она подчёркивает красоту» [А. Б-н]; Или иначе: «В миру всё должно быть разумно и эстетично. Смотря какой косметикой и для каких целей. С целью омоложения, соблазнительности, привлечения внимания – однозначно, нет. Ну, а для смягчения, увлажнения кожи, с гигиенической точки зрения, считаю, что необходимо» [Ю. Я-ко2]. Нередко и таким образом: «Мне кажется, все женщины могут пользоваться косметикой, и даже православные. Здесь ведь всё зависит не от того, что она пользуется косметикой, а как она пользуется. Можно пользоваться косметикой, нанося минимальный тон косметических средств на лицо, а можно пользоваться косметикой, нанося максимум, все, что можно сделать... с собой... такой вопрос, не для всех» [М. К-ва].

Считать, что «к косметике нужно относиться спокойно, но нельзя только красить губы. Потому что ты подходишь к иконе – целуешь, потом за тобой люди идут – тоже целуют икону, прикладываются к ней. Да?.. Но, вот, губы должны, конечно, быть без губной помады. А глаза – это на усмотрение женщины, если она привыкла. Но не яркий, макияж должен быть спокойный, чтобы не обращали на тебя внимания. Ты же пришла помолиться, а не покрасоваться перед прихожанами» [О. Ш-в]. Во всех перечисленных случаях налицо очень прагматичное отношение, только слегка смягчённое эстетическими установками.

В ходе сбора интервью нам встретилась развёрнутая декларация того, как

себя позиционирует верующая женщина, которая хочет быть современной, оставаясь православной: «Ну, скажем так, православные... просто в быту, они могут одеваться, естественно, как им удобно, и на улице сейчас уже у нас нет таких каких-то определенных требований, а вот посещение церкви — тут да, тут обязательно. Надо, чтобы и рукава были и у платья, то есть не открытый сарафанчик — это неприлично, некультурно и нехорошо заходить в церковь, и голова должна быть обязательно покрытая. Хотя, с другой стороны... я как-то разговаривала с одним священником, он... Вот бабушки там сидели, осуждали: «Ой, вот пришла в штанах, вот, там, ещё что-то в церковь». Раньше этого, может, и нельзя было, но сейчас-то... Ведь ты же идёшь к Господу, и Ему все равно, в чём ты, по большому-то счёту. Это просто есть правила такие определённые, заведенные, что да, надо только так, и по-другому нельзя...

Дресс-код в любом есть заведении, и тут (*смеется*) есть типа своего дресс-кода, а с другой стороны, если тебе очень хочется зайти в этот момент в церковь, это надо сделать, и неважно, в чём ты именно сейчас, даже если ты шортах, но тебе просто необходимо обратиться к Богу и поставить свечу и с какой-то иконой обратиться к Богу, то, в принципе, я считаю, что вот это можно сделать, но нежелательно. Естественно, надо поддерживать и уважать... других людей, которые также ходят в церковь, что, если уж положено платок на голову, значит, это положено; по большому-то счёту, мне кажется, что душа должна веровать (*смеется*), душа должна рваться туда.

— А может ли православная женщина пользоваться косметикой?

— Ну, естественно, так же, как и снова говорю, что в быту — да, конечно, обязательно пользуемся косметикой, и вообще ухаживать за собой — это правильно, потому что женщина, которая не ухаживает за собой, она ведь выглядит очень... ну, недостойно, некрасиво. А вот если ты идёшь в церковь, ты целуешь икону, и, представь, если у тебя губы на-

крашены: ты поцеловала тут, вот такой вот шматочек оставила, значит, а следующий идёт за тобой — как это он будет вот эти накрашенные губы, на иконе оставленные, целовать? Ну, естественно, нет. В церковь надо как-то без косметики» [К. К-ва].

Есть среди современных пермских православных и те, кого можно назвать нигилистами — в том, что касается требований к дресс-коду для верующих, фактически реализующие протестантский вариант религиозного поведения с исключительным предпочтением веры всем остальным проявлениям религиозности. Позиция этой группы кратко сформулирована в одном из интервью: «в душе ведь Бог-то, а не в одежде» [Н. К-ва]. Их высказывания по поводу внешнего вида очень разнообразны по форме, но схожи по сути: «каждый определяет сам для себя» [С. М-ва]; «я считаю, что в XXI в. это неактуально» [Ю. М-на]; «несколько столетий назад это было важно и обязательно, сегодня мне кажется, это не принципиально [Д. А-в]; «мы должны идти “в ногу со временем”» [Н. Б-ва]; «выбор одежды — выбор каждого. Это не влияет на веру» [Н. Д-х]; «это непринципиально, главное, что в душе» [Е. А-ва]; «все люди, в том числе и верующие, имеют право выглядеть, как им комфортно» [Т. Е-в].

Среди таких свободомыслящих также существует «вилка» мнений — от сознания необходимости учёта церковной традиции («перед Богом, как говорится, все едины в принципе... но, если уж так вот строжайший пост, наверное, как-то умерить вот это всё» [А. Д-ва]) до полной самостоятельности выбора («сама хожу в брюках и пользуюсь косметикой» [Э. С-н]). Сторонники выведения проблемы внешнего вида из религиозного поля в аргументации сочетают церковный и светский дискурсы, а в социальном пространстве, наоборот, делают религиозное и светское несоприкасающимися сферами бытия:

— «Я, наверное, неправильная верующая, я искренне верю в Бога, люблю его, однако считаю, что Богу всё равно,

как мы одеты. Для Бога самое главное – соблюдение его заповедей и соблюдение чистоты душевной. Мне кажется, Он любит нас и голых, а соблюдение правил одежды и красоты лица церковные служители ну не навязывают, а выдумывают. Для чего – им виднее» [П. К-ва];

– «Мне кажется, это тоже дело каждого, кто как хочет – пускай так и одевается. Я считаю, что любой человек может пользоваться косметикой, это тоже дело каждого. На повседневную жизнь вера не должна влиять [А. П-ва].

Очевидно, что именно в этой части православного сообщества наиболее ярко отразилось влияние советского периода истории с его антирелигиозной политикой, приведшей не столько к элиминированию веры как мировоззренческого феномена, сколько к расшатыванию сложившихся церковных институтов, падению уровня религиозной грамотности, размыванию традиционных поведенческих норм, этических и эстетических установок, связанных с религией. Одновременно декларирование секулярности государства повлекло за собой, пусть и в лимитированном виде, формирование самостоятельной позиции индивида по отношению к религиозному началу, усилившееся в постсоветский период.

В результате в границах православного сообщества сложился широкий спектр мнений по поводу того, насколько факт идентификации с религиозными структурами или группами способен определить особенности мироориентации и образа жизни. Полностью сохранился образ монашеского как идеала религиозной жизни и ориентира для мирян. В этой ситуации внешний вид становится не только поведенческой нормой, но и маркером сопричастности по отношению к церковной жизни – «религия создаётся посредством членства» [Ammerman, 2014: 199].

Одежда для верующего начинает играть тройную роль: следование определённым правилам облачения становится способом встраивания в сообщество для самого индивида, и одновременно – своеобразным пропуском туда для еди-

новерцев и индикатором религиозной принадлежности для окружающих. Несмотря на апеллирование к религиозным требованиям, внешний вид выполняет и мифоконструирующую функцию, выступая в качестве индикатора разделения на своих и чужих, православный космос и секулярный хаос.

Конструирование собственного внешнего вида как образа прихожанина представляет собой ритуал вспоминания о принадлежности к традиции, психологически необходимый тем верующим, для которых формирование религиозной идентичности – не вопрос самостоятельного определения, а способ подтвердить своё членство в сообществе. Вниманию к внешнему облику, по нашему мнению, обусловлено простотой такого способа религиозной самоидентификации, а также уверенностью, что такой сигнал будет воспринят окружающими. В отличие от мировоззренческих установок, знаки, указывающие на принадлежность к сообществу, наделяются для самого верующего абсолютной достоверностью.

Религия в сознании православных верующих ещё не для всех стала «частным делом» каждого, частично будучи замещённой традициями мифоритуального отношения к сакральному [Смирнов, 2015: 367-392], что и рождает представление о необходимости нормирования члена общины по наблюдаемым параметрам. При этом наблюдается постепенный рост числа верующих, предпочитающих индивидуальное корректирование стиля религиозной жизни и представлений о православии в целом, мировоззренчески основанное на принципах «локутности» (К. Добеллар) [Dobbelaere, 2004: 232], и осуществляющих конструирование религиозных норм на личностном уровне (А. Агаджанян, К. Русселе) [Агаджанян, Русселе, 2006: 15].

Соотнесённость религиозных взглядов и внешнего вида обеспечивает и формальное присутствие сообщества в социокультурном пространстве. Видимая наблюдателю атрибутика в таком случае становится элементом социальной презентации религии в целом, на-

ряду с миссионерской и благотворительной деятельностью. Это своеобразный язык, на котором разговаривают только понимающие его, слабо зависящий от канонических норм, развивающийся по

собственным правилам, формирующий одну из культурных реальностей, которые вместе составляют мир русского православия.

Список литературы:

Агаджанян А., Русселе К. Как и зачем изучать современные религиозные практики // Религиозные практики в современной России. М.: Новое издательство, 2006. С. 11-32.

Рязанова С.В. Диалог Запада и Востока и феномен неоориенталистских культов: дисс. ... канд. филос. н. Пермь, 1998. 230 с.

Рязанова С.В. Светские формы современной религиозности: эволюция социального мифа // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2011. №11. С. 64-79.

Смирнов М.Ю. Мифоритуальный образ русского православия // Православие и современность: проблемы секуляризма и постсекуляризма. Москва-Орел-Ливны: изд-во Новоспасского монастыря - изд-во «Спасское дело», 2015. С. 367-392.

Ammerman N.T. Finding Religion in Everyday Life // Sociology of Religion. 2014. № 75(2). P. 189-207.

Asad T. The Construction of Religion as an Anthropological Category // A reader in the anthropology of religion / Michael Lambek ed. Malden, Mass.: Blackwell Publishers, 2002. P. 110-126.

Beyer P. Religion in the global society. L.-N.Y.: Routledge, 2006. 337 p.

Dobbelaere K. Assessing secularization theory // New Approaches to the Study of Religion. B., N. Y.: Walter de Gruyter, 2004. Vol. 2. P. 229-253.

Kippenberg H.G. Religious History, Displaced by Modernity // Religions in the Disenchanted World. Numen. 2000. Vol. 47. №3. P. 221-243.

Kisala R. Urbanization and religion // New Approaches to the Study of Religion. B., N. Y.: Walter de Gruyter, 2004. Vol. 2. P. 255-274.

Mitchell C. The Religious Content of Ethnic Identities // Sociology. 2006. Vol. 40(6). P. 1135-1152.

Mithrofanova A. Ortho-media for Ortho-women: in Search of Patterns of Piety // Digital Orthodoxy in the Post-Soviet World: The Russian Orthodox Church and Web 2.0 / Mikhail Suslov ed. Stuttgart: Ibidem-verlag, 2016. P. 239-260.

Satlow M.L. Disappearing categories: using categories in the study of religion // Method & Theory in the Study of Religion. 2005. Vol. 17, № 4. P. 287-298.

Stump R.W. Regional Variations in the Determinants of Religious Participation // Review of Religious Research. 1986. Vol. 27. № 3. P. 208-225.

Об авторе:

Рязанова Светлана Владимировна – д.филос.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН. Россия, 614000, Пермь, ул. Ленина 13а. Сфера научных интересов - современная религиозность, религиозная мифология, история религий. E-mail: svet-ryazanova@yandex.ru.

THE APPEARANCE OF RUSSIAN BELIEVERS IN THE CONTEXT OF RELIGIOUS IDENTITY (ONE RESEARCH CASE)

S.V. Ryazanova

Abstracts. *The research is devoted to ideas of believers' appearance as one of the ways of religious consciousness formation. The concept of appearance includes clothes and attributes connected with the change of personal shape. The statement about a lack of exact initial ideas concerning the features of believer's appearance acts as a starting point for the process of individual rule-making in religious community. The set of standards of appearance for the orthodox layman is defined by the rational discourse and logic of a mythogenesis. The specific content of ideas of a believer's image is also defined by regional traditions, age and educational qualification, features of the person lifestyle. The orthodox community of Prikamye is chosen as a case for determining the tendencies to design an ideal believer image. The believers indicating their own religiosity participating in collective religious activities have been chosen as respondents. Raised issues concerned the requirements to the parishioner appearance, using of decorative means without indicating the spheres of public life the dress-code should be realized. The research has shown three groups of believers depending on their relation to questions of appearance. Conservative parishioners insist on observance of a set of norms founded on their own life experience, tradition or popular mythological ideas and patterns. Liberal group is inclined to divide religious and secular spheres, rationally proving the norms accepted by them and displacing requirements to appearance only in the situations connected with collective religious activity. Supporters of full freedom of choice in the question of appearance don't connect the religiosity with clothes and cosmetics, linking it just to spiritual improvement. For all groups the appearance becomes not only a behavioral norm, but also a marker of participation in community, the indicator of allocation of brothers in faith, reminiscence of tradition and religious language for those who don't know the language of canons and dogmas.*

Key words. *Orthodoxy, community of believers, religious norms, appearance, formation of myths, individual religiosity.*

References:

Agadzhanian A., Russele K. Kak i zachem izuchat' sovremennyye religioznye praktiki [How and why Man Needs to Study Contemporary Religious Practices]. *Religioznye praktiki v sovremennoj Rossii* [Religious practices in modern Russia]. Moscow, New publishing house, 2006. pp. 11-32 (In Russian).

Ryazanova S.V. *Dialog Zapada i Vostoka i fenomen neoorientalisticheskikh kul'tov*. Diss. kand. filos. n. [The Dialog of West and East and the Phenomenon of the New-Oriental Cults. Kand. Diss.]. Perm', 1998. 230 p. (In Russian).

Ryazanova S. V. Svetские формы современной религиозности: эволюция социального мифа [The Secular Forms of the Contemporary Religiosity: Evolution of the Social Myth]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uro RAN - Scientific Yearbook of the Institute of philosophy and law, Ural branch of RAS*, 2011, no. 11, pp. 64-79 (In Russian).

Smirnov M. YU. Miforitual'nyj obraz russkogo pravoslaviya [Mytho-ritual image of Russian Orthodoxy]. *Pravoslaviye i sovremennost': problem sekulyarizma i postsekulyarizma* [Orthodoxy and modernity: problems of secularism and post-secularism]. Moscow-Orel-Livny, publishing house of Novospassky monastery - publishing house "Spasskoe affair", 2015. pp. 367-392 (In Russian).

Ammerman N.T. Finding Religion in Everyday Life. *Sociology of Religion*, 2014, no. 75 (2), pp. 189-207.

Asad T. The Construction of Religion as an Anthropological Category. *A reader in the anthropology of religion* / Michael Lambek ed. Malden, Mass., Blackwell Publishers, 2002. pp. 110-126.

Beyer P. *Religion in the global society*. London-New York, Routledge, 2006. 337 p.

Dobbelaere K. *Assesing secularization theory. New Approaches to the Study of Religion*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2004. Vol. 2. pp. 229-253.

Kippenberg H.G. Religious History, Displaced by Modernity. Religions in the Disenchanted World. *Numen*, 2000, Vol. 47, no. 3, pp. 221-243.

Kisala R. Urbanization and religion. *New Approaches to the Study of Religion*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2004. Vol. 2. pp. 255-274.

Mitchell C. The Religious Content of Ethnic Identities. *Sociology*, 2006, Vol. 40 (6), pp. 1135-1152.

Mithrofanova A. Ortho-media for Ortho-women: in Search of Patterns of Piety. *Digital Orthodoxy in the Post-Soviet World: The Russian Orthodox Church and Web 2.0* / Mikhail Suslov ed. Stuttgart, Ibidem-verlag, 2016. pp. 239-260.

Satlow M.L. Disappearing categories: using categories in the study of religion. *Method & Theory in the Study of Religion*, 2005, Vol. 17, no. 4, pp. 287-298.

Stump R.W. Regional Variations in the Determinants of Religious Participation. *Review of Religious Research*, 1986, Vol. 27, no. 3, pp. 208-225.

About the Author:

Svetlana V. Ryazanova – Doctor of Sciences (Philosophy), docent, Leading Researcher of Department of Researching of Political Institutes and Processes of Perm Federal Research Center of Ural Division of Russian Academy of Sciences. Russia, 614000, Perm, Lenina str., 13a. Sphere of Scientific Interests – Contemporary religiosity, contemporary mythology, history of religion. E-mail:svet-ryazanova@yandex.ru.